

Ада Вереск
Зов крови. Пробуждение

https://litres.ru/74749297
SelfPub; 2026

Аннотация

Мира всегда знала, что она чужая в своей семье. Но она не подозревала, насколько. Живя обычной жизнью жены и матери двоих детей, она не догадывалась, что в ее жилах течет кровь Святой Львицы из другого мира.

Всё меняется в одну грозовую ночь, когда в ее дом влетает шаровая молния. С этого момента в Мире просыпается древняя сила, а шёпот в голове называет ее настоящим именем — Киара.

За ней уже охотится жестокий клан Волков, а её муж, Максим, скрывает тайну, о которой не знает даже сам. Когда на семью нападает стая, Мира вынуждена принять свою сущность.

Первая книга трилогии «Зов крови» — это история о пробуждении, смертельной опасности и выборе между двумя мирами.

Содержание

Книга 1	5
Глава 1. Чужая	6
Глава 2. Огонь	12
Глава 3. Пламя	16
Глава 4. Вопросы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Зов крови. Пробуждение

Зов крови

Книга 1

Глава 1. Чужая

Я всегда знала, что не похожа на них.

Не внешне — тут как раз всё сходилось. Тёмные волосы, карие глаза, упрямая линия подбородка — я была вылитая мать. В детстве соседки говорили: «Ну вылитая Вера Петровна», и мама улыбалась, и я улыбалась, и всё было правильно. Только где-то глубоко, под кожей, жило другое знание. Тихим фоном. Как гул проводов в стене — его не слышишь, пока не приложишь ухо.

Мне было семь, когда я впервые поняла это. Мама мыла посуду, я стояла рядом с полотенцем, и вдруг — как вспышка: она не моя. Я не испугалась. Просто знала. Как знаешь, что небо синее. И я ничего не сказала. Стояла с полотенцем и думала: если я скажу — она заплачет. А я не хотела, чтобы она плакала.

Она всегда целовала меня в макушку перед сном. Даже когда я выросла, даже когда мне было двадцать пять и я приезжала на выходные. Целовала и говорила: «Спи, моя хорошая». И я думала: она целует меня так, будто боится, что я исчезну.

Пётр Ильич, мой отец, умер, когда мне было двадцать. Инфаркт. Мама позвонила мне в институт, и я приехала, он лежал в больнице, уже не дыша. Я держала его за руку и думала: он сейчас откроет глаза и скажет что-то важное. Что-то,

что я должна знать. Но он не открыл.

Я никогда не спрашивала. Боялась, наверное, что если спрошу — разрушу что-то хрупкое. Или что мне ответят: «Мы не знаем». И придётся жить с этим «не знаем» дальше.

Сегодня гроза началась поздно. Милана уже спала, свернувшись калачиком в своей кровати с голубым одеялом — она у нас любит всё голубое, под цвет глаз. Александра сидела в наушниках на диване, уткнувшись в телефон. Максим мыл посуду. Обычный вечер. Семейный. Тёплый.

Я резала хлеб к чаю, когда в окне полыхнуло. Не просто молния — вспышка. Яркая, белая, беззвучная. И тут же — гром. Не раскат, а удар. Такой, что задребезжали стёкла.

— Ничего себе, — сказал Максим из кухни. — Прямо над домом.

Александра подняла голову:

— Мам, ты чего?

Я стояла с ножом в руке и смотрела в окно. Там, за стеклом, в темноте двора, что-то светилось. Маленький шар. Белый, с голубыми искрами по краям. Он висел в воздухе — ровно, спокойно, будто так и надо.

— Мира? — Максим вышел , вытирая руки полотенцем. — Ты чего застыла?

Я не ответила. Шар медленно плыл к окну. Я видела, как он приближается — и не могла отвести взгляд. В ушах по-

явился шёпот. Не голос, не слова — просто шёпот. Тихий, зовущий. Как будто кто-то очень далёкий повторял моё имя.

— Мам! — Александра тоже встала. — Что это?

Максим шагнул ко мне, но я уже шла к окну. Сама не понимала, что делаю. Ноги двигались без меня. Рука потянулась к стеклу.

— Мира, стой! — голос Максима стал резким. — Это шаровая молния! Не подходи!

Я слышала его. Правда, слышала. Но шёпот в ушах был громче. Он звал. Он ждал. Я открыла створку — и шар влетел в комнату. Медленно, плавно, оставляя за собой светящийся след. Он остановился в метре от меня — и завис. Голубые искры внутри него пульсировали, как сердце.

— Мира, отойди! — Максим взял Александру за руку и отвел к двери. — Мира, не двигайся!

Я не двигалась. Я смотрела. Шар был красивый. Не опасный. Я это знала. Откуда? Не понимала. Но знала.

Шёпот стал громче. Уже не имя. Слова. Я не разбирала их, но чувствовала: они важные. Они про меня.

Я протянула руку.

— Нет! — Максим рванулся вперёд, но не успел.

Я коснулась шара.

Сначала — тепло. Приятное, как вода в ванне. Потом — свет. Он обволок меня всю, с головы до ног. Мягко, бережно. Как одеяло. Я закрыла глаза.

И вспомнила.

Не всё. Не сразу. Осколком. Женщина в короне — красивая, с тёмными волосами, как у меня. Она плачет и передаёт меня кому-то. Мужчина с суровым лицом — он стоит рядом, сжимает кулаки. Двое мальчиков — старше меня, они смотрят испуганно. Камень. Холодный, гладкий камень под ладонью. И голос — женский, тихий:

— Ты вернёшься, когда придёт время. Прости нас.

Я открыла глаза. Шар исчез. В комнате пахло озоном и чем-то ещё — тёплым, звериным. Как от большой кошки.

Максим стоял в дверях, бледный. Александра выглядывала из-за его плеча.

— Мам? — голос у неё дрожал. — Ты в порядке?

Я посмотрела на свои руки. Они не горели. Не дрожали. Они были… другими. Я чувствовала под кожей что-то. Тяжёлое. Тёплое. Живое.

— Мира, — Максим шагнул ко мне. — Что это было?

Я хотела ответить. Правда, хотела. Но слова не шли. Потому что я не знала, что сказать. «Я вспомнила, что я принцесса из другого мира»? «Я не человек»? «Я тебя люблю, но я тебя не помню»?

Я не помнила его. Вот что было самым страшным. В тот момент, когда шар коснулся меня, я вспомнила женщину в короне, мальчиков, камень. Но я не помнила, как познакомилась с Максимом. Как рожала Александру. Как смеялась над его шутками. Всё это было — но как будто не со мной. Как будто я смотрела чужой фильм.

— Всё хорошо, — сказала я. Голос звучал ровно. Слишком ровно. — Просто… шаровая молния. Редкое явление. Я в порядке.

Максим не поверил. Я видела по глазам. Но он не стал давить. Он просто подошёл и обнял меня. Крепко. Так, как обнимают, когда боятся потерять.

Я стояла в его руках и чувствовала себя чужой. В своём доме. В своей семье. В своей коже.

В ту ночь я не спала. Лежала рядом с Максимом, слушала его дыхание и смотрела в потолок. В голове крутились осколки: корона, камень, голос. И ещё — шёпот. Он не исчез. Он остался где-то на краю сознания. Тихий. Зовущий.

Я не знала, кто я. Но я знала: та, кем я была тридцать три года, — не настоящая. Настоящая — где-то там. В другом мире. С короной на голове и камнем под ладонью.

А здесь — только я. Мира. Жена. Мать. Чужая.

Я повернулась к Максиму. Он спал, и лицо у него было спокойное, родное. Я провела пальцем по его щеке — и ничего не почувствовала. Ни тепла. Ни нежности. Только холод под кожей.

Я встала. Тихо, чтобы не разбудить. Прошла по коридору, заглянула в комнату девочек. Милана спала, раскинув руки, и одеяло сползло на пол. Я поправила его. Поцеловала её в макушку — как мама целовала меня. Она не проснулась. Александра спала лицом к стене, наушники валялись на подушке. Я постояла в дверях. Посмотрела на них обеих. И по-

думала: они не мои. Не потому, что я их не люблю. А потому, что я не та, кто их родила. Та женщина — Мира — была другой. Я не знаю её.

Я вернулась в спальню. Села на край кровати. В темноте было тихо. Только шёпот — на краю сознания. Тихий. Зовущий.

Я не знала, куда идти. Не знала, как. Не знала, что найду. Но я знала одно: я не могу остаться. Не могу притворяться Мирой, когда я — не она.

Максим пошевелился во сне. Прошептал что-то. Моё имя. Или чужое.

Я подошла к окну. За стеклом — темнота, мокрый асфальт, фонарь. Обычный двор. Обычная жизнь. Чужая жизнь.

Глава 2. Огонь

Утро пришло серым и тихим. Дождь за окном не прекратился — он сменился мелкой моросью, которая висела в воздухе, не падая. Я стояла у плиты и смотрела на чайник. Вода ещё не закипела. Я ждала.

Максим уже ушёл на работу — поцеловал меня в щёку, сказал «до вечера», хлопнул дверью. Он вёл себя так, будто ночью ничего не случилось. Будто шаровая молния — это просто погода. Я была ему благодарна. Или нет. Я не понимала, что чувствую.

Милана сидела за столом и рисовала. Она рисовала всегда — с тех пор, как научилась держать карандаш. Её рисунки были странные: большие звери с длинными хвостами, дома без окон, небо зелёного цвета. Я никогда не спрашивала, что это. Боялась ответа.

— Мам, — сказала Милана, не поднимая головы. — А почему у львов грива только у мальчиков?

Я замерла. Чайник начал шуметь.

— У львов? — переспросила я. — Ты про кого?

— Про львов. — Она показала рисунок. На нём была львица — жёлтая, с длинным хвостом. Рядом — лев с гривой. И ещё кто-то. Маленький. — Это мама, это папа, это я.

Я смотрела на рисунок и чувствовала, как что-то шевелится под кожей. Тёплое. Живое. Как будто внутри меня

проснулась кошка и потянулась.

— У львов грива у мальчиков, — сказала я ровно. — У девочек нет.

— А у меня будет? — спросила Милана.

— Нет, милая. У тебя не будет гривы.

Она кивнула и продолжила рисовать. А я отвернулась к плите.

Чайник закипел. Пар поднимался вверх — ровный, спокойный. Я протянула руку, чтобы снять его с огня. И в этот момент пламя под чайником вытянулось. Не резко — плавно, как язык. Оно коснулось моих пальцев — и не обожгло. Оно лизнуло их, как кошка лижет руку хозяина. Тёплое. Ласковое. Живое.

Я отдёрнула руку. Пламя вернулось на место. Маленькое, синее, обычное.

— Мам? — Александра стояла в дверях кухни. Она уже собралась в школу — рюкзак на плече, волосы собраны в хвост. — Ты чего?

— Ничего, — сказала я. — Чайник горячий.

Она не поверила. Я видела по глазам — она не поверила. Она смотрела на меня так, как смотрят, когда чувствуют: что-то не так, но не знают, что именно.

— Мам, — сказала она медленно. — Ты какая-то странная. Со вчерашнего вечера. Что случилось?

— Ничего, Саша.

— Ты называешь меня Сашей, только когда врёшь.

Я замерла. Она права. Я называла её Сашей только когда врала. Или когда боялась. Или когда не знала, что сказать.

— Я просто не выспалась, — сказала я. — Ночью была гроза. Ты же слышала.

— Слышала, — сказала Александра. — И видела. Ты стояла у окна, и этот шар… — Она замолчала. — Мам, что это было?

— Шаровая молния. Редкое явление.

— Я не про шар. Я про тебя. Ты была… — она подбирала слово, — …не ты. Как будто кто-то другой стоял в твоём теле.

Я смотрела на неё. Четырнадцать лет. Умная. Внимательная. Видит больше, чем должна. Видит то, чего я сама ещё не понимаю.

— Саша, — сказала я тихо. — Иди в школу. Мы поговорим вечером.

— Ты не ответила.

— Я знаю.

Она постояла ещё секунду. Потом вздохнула — тяжело, по-взрослому — и вышла. Хлопнула дверь. Я осталась на кухне.

Пламя под чайником горело ровно. Но я чувствовала: оно ждёт. Оно смотрит на меня. Оно хочет, чтобы я протянула руку снова.

Я не протянула. Я взяла чашку, налила чай и села за стол. Милана всё ещё рисовала. Она пододвинула ко мне новый

листок.

— Мам, смотри. Это ты.

На рисунке была женщина. Длинные тёмные волосы. Карие глаза. И рядом — большая кошка. Жёлтая. С длинным хвостом. Львица.

— Почему я? — спросила я.

— Потому что ты похожа, — сказала Милана просто. — У тебя такие же глаза. И ты так же смотришь.

— Как смотрю?

— Как будто хочешь что-то съесть. Но не еду.

Я засмеялась. Или попыталась. Звук вышел странный — гортанный, низкий. Милана не заметила. Она уже рисовала что-то новое.

А я сидела и думала: что со мной происходит? Что это за сила? Почему огонь меня слушается? Почему дочь рисует львов? Почему я чувствую под кожей зверя?

И ещё — шёпот. Он не исчез. Он был тише, чем ночью, но всё ещё здесь. На краю сознания. Как гул проводов в стене.

Я допила чай. Помыла чашку. Собрала Милану в садик. Поцеловала её в макушку — как мама целовала меня. Она убежала к воспитательнице, махнула рукой. Я стояла у ворот и смотрела ей вслед.

А потом пошла домой. И всю дорогу чувствовала: пламя в моей груди не гаснет. Оно ждёт. Оно учится. Оно растёт.

Глава 3. Пламя

Дом опустел. Максим на работе, Милана в садике, Александра в школе. Я осталась одна — впервые за тридцать три года по-настоящему одна. Без роли. Без маски. Без необходимости улыбаться.

Я села на пол в кухне. Просто села, не зная, что делать. Плита была выключена. Чайник остыл. В комнате пахло вчерашним дождём и чем-то ещё — тёплым, звериным. Тем самым запахом, который я почувствовала ночью, когда шар исчез.

Я посмотрела на свои руки. Обычные руки. Не дрожат. Не светятся. Но под кожей — что-то. Я чувствовала это отчётливо: как будто внутри меня сидит зверь и ждёт. Не рычит. Не рвётся. Просто ждёт, когда я его позову.

Я встала. Подошла к плите. Включила газ. Пламя вспыхнуло — синее, ровное, обычное. Я смотрела на него и вспоминала: оно лизнуло мои пальцы. Не обожгло. Лизнуло.

Я протянула руку. Медленно. Пальцы дрожали. Я не хотела — но и хотела тоже. Хотела понять.

Пламя вытянулось. Опять. Как язык. Как кошачий язык. Оно коснулось моей ладони — и я почувствовала тепло. Не жар. Не боль. Тепло. Как от чашки чая в холодный день. Как от руки Максима, когда он обнимает меня ночью.

Я не отдёрнула руку. Я стояла и смотрела, как огонь лас-

кает мои пальцы. Он был живой. Он был мой. Он ждал меня.

— Что ты такое? — прошептала я.

Огонь не ответил. Он просто горел — ровно, спокойно, будто так и надо.

Я убрала руку. Пламя вернулось на место. Я выключила газ. Постояла секунду. Потом подошла к окну и открыла его. В комнату ворвался холодный воздух. Я дышала. Глубоко. Как будто вынырнула из воды.

Я не понимала, что происходит. Но я знала: это не болезнь. Не галлюцинация. Это — я. Настоящая. Та, кем я была до того, как стать Мирой.

Я села за стол. Взяла листок Миланы — тот, с львицей. Посмотрела на рисунок. Жёлтая кошка с длинным хвостом. Карие глаза. Как у меня.

Я перевернула листок. На обратной стороне — карандашный набросок. Милана рисовала всегда, и на каждом листке было что-то. Здесь — женщина в короне. С тёмными волосами. С печальным лицом. И рядом — двое мальчиков. Старше меня.

Я смотрела на рисунок и чувствовала, как что-то сжимается в груди. Я знала эту женщину. Я видела её ночью. В шаре. Она плакала и передавала меня кому-то.

— Кто ты? — прошептала я.

Ответа не было. Только шёпот — на краю сознания. Тихий. Зовущий. Я закрыла глаза и попыталась разобрать слова. Но они ускользали. Как рыба из рук.

Я сидела так, наверное, час. Может, два. За окном морось сменилась солнцем. Дом ожил: заскрипели половицы, загудел холодильник, где-то капнул кран. Обычные звуки. Обычная жизнь. Но я уже знала: она не обычная. Она никогда не была обычной.

Я встала. Подошла к шкафу. Достала старую коробку — ту, которую мама дала мне, когда я выходила замуж. Там были фотографии. Детские. Мои. Я села на пол и открыла крышку.

Вот я в пять лет — на руках у Петра Ильича. Он смеётся. Я смеюсь. Вот я в семь — с мамой на кухне. Она целует меня в макушку. Вот я в двенадцать — с двумя косичками, в школьной форме. Вот я в восемнадцать — выпускной, белое платье, мама плачет.

Я смотрела на эти фотографии и не узнавала себя. Девочка на них была счастливая. Обычная. Не чувствовала под кожей зверя. Не слышала шёпот. Не знала, что она — не она.

Я закрыла коробку. Поставила обратно в шкаф. И в этот момент поняла: я не могу остаться. Не потому, что не люблю их. А потому, что не знаю, кто я. А без этого знания я не могу быть ни женой, ни матерью. Я могу быть только зверем, который ждёт внутри.

Я подошла к окну. Солнце светило ярко. Двор был пустой. Обычный двор. Обычная жизнь. Чужая жизнь.

Я не знала, куда идти. Не знала, как. Но я знала: мне нужно найти ответы. И я найду их. Даже если для этого придётся

сгореть.

Глава 4. Вопросы

Вечер был тихий. Милана уснула раньше обычного — набегалась в садике, нарисовала трёх львов и одного волка. Александра сидела на диване с учебником, но я видела: она не читает. Смотрит в одну точку. Думает.

Максим пришёл с работы усталый. Поцеловал меня в щёку, спросил, как прошёл день. Я сказала: «Нормально». Он не поверил — но не стал допытываться. Он всегда так: чувствует, но не давит. Раньше мне это нравилось. Теперь — раздражало. Почему он не видит? Почему не спрашивает?

Я мыла посуду, когда Александра вошла на кухню. Тихо. Босиком. С телефоном в руке.

— Мам.

— Мм?

— Можно спросить?

Я выключила воду. Вытерла руки полотенцем. Повернулась.

— Спрашивай.

Она помолчала. Посмотрела на меня — прямо, без страха. В её глазах было что-то взрослое. Что-то, чего я не замечала раньше.

— Что с тобой происходит?

— Ничего, Саша.

— Ты называешь меня Сашей, только когда врёшь.

Я замерла. Она права. Она всегда права.

— Я не вру, — сказала я. — Я просто… устала.

— Мам. — Она шагнула ближе. — Я не маленькая. Я вижу. Ты стала другой. После той ночи. После молнии. Ты смотришь на огонь так, будто он тебе что-то говорит. Ты не спишь. Ты… — она запнулась, — …ты как будто ждёшь чего-то. Или кого-то.

Я молчала. Что я могла сказать? «Да, Саша, я жду. Я жду, когда внутри меня проснётся зверь. Я жду, когда вспомню, кем была до тебя. Я жду, когда смогу уйти». Она бы не поняла. Или поняла бы слишком хорошо.

— Саша, — сказала я тихо. — Есть вещи, которые я сама не понимаю. Я не могу тебе объяснить то, чего не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.